

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Эльдар Ринатович ХАСАНОВ

самостоятельный соискатель

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека

k_studentu@mail.ru

Аннотация

Статья посвящается вопросам семантической деривации и её типам: смещению, метонимии и метафоризации. Описанию подвергается и сам термин деривация как универсальный принцип функционирования языка. Принцип деривации в языке не является самостоятельным и диалектически его следует сопоставлять с принципом актуализации уже готовых языковых единиц.

Ключевые слова: деривация; семантическая деривация; лексическая деривация; метонимия; метафоризация; смещение; принцип деривации; компрессия; конверсия; метафора; контаминация; суппозиция; предикат.

СЕМАНТИК ЧУҚУРЛИК ЗАМОНАВИЙ РУС ТИЛИНИНГ УНИВЕРСАЛ ТАМОЙИЛЛАРИ СИФАТИДА

Элдар Ринатович ХАСАНОВ

мустақил изланувчи,

Мирзо Улугбек номидаги Ўзбекистон миллий университети

k_studentu@mail.ru

Аннотация

Мақола семантик деривация ва унинг турлари: силжиш, метонимия ва метафоризация билан боғлиқ масалаларга бағишланган. “Деривация” атамаси ҳам тилининг универсал ишлаш тамойили сифатида тасвирланади. Деривация тилда мустақил тамойил бўлиб ҳисобланмайди ва диалектик нуктаи назаридан уни тайёр тил бирликларини актуаллаштириш тамойили билан қиёслаш керак.

Калит сўзлар: деривация; семантик деривацияси; лексик деривацияси; метонимия; метафоризация; силжиш; деривация тамойили; компрессия; конверсия; метафора; контаминация; суппозиция; предикат.

SEMANTIC DERIVATION AS A UNIVERSAL PRINCIPLE OF FUNCTIONING OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Eldar Rinatovich HASANOV

Independent researcher

National University of Uzbekistan

k_studentu@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the questions of semantic derivation and its types: bias, metonymy and metaphorization, each of which has an analog in the types of semantic derivation of the modern Russian language. The term derivation itself is subjected to a description as a universal principle of the functioning of language.

Keywords: derivation; semantic derivation; lexical derivation; metonymy; metaphorization; displacement; the derivation principle; compression; conversion; metaphor; contamination; supposition; predicate.

Деривация (*аффиксальное словообразование*) – англ. *Derivation* – образование новых слов при помощи аффиксов (или посредством деаффиксации) согласно словообразовательным моделям, свойственным данному языку (1, 130). Деривация – категория онтологическая и гносеологическая одновременно. О деривационной сущности языка еще упоминалось в грамматиках Панини и Пор-Рояля. Этот факт позволяет нам говорить о том, что интерес к изменению значения того или иного слова исследователи проявляли задолго до появления самого термина «деривация». В современной лингвистике под деривацией понимается процесс образования слов, их новых значений, предложений, грамматических форм слова, одним словом, всех возможных единиц, начиная с фонемы и заканчивая текстом.

Все это дает нам основание говорить об универсальности принципа деривации, охватывающего разные пласты лингвистического объекта, что в свою очередь повышает объяснительный потенциал принципа деривации как гносеологической категории и позволяет считать его основой для общей дериватологии или деривационной грамматики.

Что касается лексической деривации, то ее закономерно следует включить в общезыковое разноуровневое поле деривационности, различные формы которого в речи представляют собой единый, и в то же время непрерывный деривационно-мотивационный процесс, который пронизывает все уровни и планы языка, а также образует функционально-динамические пространства, в рамках которых деривация единиц более низких уровней входит в деривацию единиц более высоких уровней (3, 66).

Вместе с тем в рамках непрерывного деривационно-мотивационного процесса лексическая деривация порождает специфический и относительно независимый речевой механизм, что, в сущности, и дает основания для рассмотрения ее как специального предмета исследования.

Единый непрерывный деривационно-мотивационный процесс, частью которого является лексическая деривация, есть проявление общего деривационного принципа языка, который, в свою очередь, является универсальным принципом его устройства и функционирования. Деривационный принцип функционирует в языке как фундаментальный способ представления нового на базе исходных суппозиций и как важнейшая форма оязыкования детерминационного содержания. Всякое новое есть продолжение, развитие исходных суппозиций или, иными словами, есть реализация деривационно-мотивационного потенциала, носителем которого является любая единица языковой системы.

Принцип деривации в языке следует соотносить с такими философскими категориями, как развитие, генезис, эволюция, детерминизм. К наиболее характерным чертам процессов, которые отражаются в этих понятиях, следует относить направленность, закономерность, а также единство качественных и количественных преобразований, противоречивость, повторяемость формы, развертывание во времени, возникновение качественно нового объекта или его состояния. Современная наука (в частности, синергетика) подтверждает глубинную неизбежность развития, его многовариантность и альтернативность, а также то, что «носителями» развития оказываются не только сложные, открытые, но и самоорганизующиеся системы, к числу которых следует относить и язык.

Принцип деривации в языке не является самостоятельным и диалектически сопоставляется с принципом актуализации уже готовых языковых единиц. В работах В. фон Гумбольдта (4, 8) и И.А. Бодуэна де Куртене (2, 68) было отмечено, что в подвижной системе языка функционируют два типа механизмов: одни позволяют обеспечивать воспроизводство в речи (тексте) былого состояния языка, другие – обеспечивают появление нового. С одной стороны, тексты создаются на материале, который уже был в употреблении, а с другой стороны, в рамках такой почти исключительно коммуникативной единицы, как текст, не существует абсолютно чистого воспроизводства языковых единиц. Любой текст, даже самый обычный, уникален как целое, так как в нем отражается каждый раз исключительная ситуация, которая отличается от другой подобной ситуации хотя бы настроением говорящего, а также его отношением к речи и партнеру по коммуникации.

Если текст представляет собой диалектическое единство и обладает преемственной связью «старого» и «нового», то закономерно полагать, что такое же единство кроется в каждом его отдельном элементе и все эти единицы текста, вне зависимости от того, какую они имеют структуру и какую функцию выполняют, одновременно являются и хранителями старого (воспроизводимыми) и носителями нового (производимыми единицами). С этой точки зрения нет абсолютно готовых и абсолютно новых компонентов, и всякое разграничение готовых и вновь образуемых компонентов текста является относительным. Разумеется, все компоненты текста в этом отношении не однородны. Одни из них в большинстве случаев воспроизводятся и служат паттернами известного тождества текста. Вместе с тем, в результате такого воспроизведения язык постепенно накапливает новые качества данных единиц. К явлениям такого рода следует относить

семантический, а также морфолого-синтаксический способы образования слов и опрощение производных слов, процессы фразеологизации.

Несложно заметить, что данные процессы относятся к диахронии и направлены на воспроизведение в тексте бывшего состояния языка и его истории. Вместе с тем в результате подобного воспроизводства образуются совершенно новые качества слов и языка в целом.

Другие компоненты текста оцениваются как создаваемые в нем. Такие компоненты Л.В. Щерба называл живыми, все вновь и вновь образуемыми, противопоставляя их воспроизводимым компонентам («мертвым», по образному выражению ученого) (7, 77). К компонентам такого рода обычно относят не только словосочетания и предложения, что очевидно, но и неологические единицы (5). Диалектика производства и воспроизводства в данном случае проявляется в том, что вновь образуемые компоненты – неологизмы – в известном смысле являются уже готовыми единицами. Новым здесь является способ выражения идеи – изменение свойства сочетаемости морфем в рамках неологизма по сравнению с другими словами, построенными по данной модели. Сама же модель и все морфемы, входящие в состав неологизма, являются известными и уже много раз употреблявшимися ранее, но в иных сочетаниях (6, 6).

Вместе с тем неологизмы являются только частным случаем проявления механизма производства слов в тексте. Деривационному функционированию подвержены уже готовые производные слова, давно вошедшие в языковой узус. Оно проявляется в значимом участии внутренней формы слова при его употреблении в речи, в актуализации формальных суппозиций слова в процессе выбора (создания или воссоздания) лексической единицы. Факт повторного регулярного производства, отмеченный еще В. фон Гумбольдтом (4, 13), может остаться незамеченным только в силу того, что обуславливающие его механизмы осуществляются в речевой деятельности с высочайшей степенью автоматизма. В любом случае нахождение слова в позиции порождения текста в той или иной мере способствует выявлению потенциала его деривационного функционирования.

В этом плане тексты могут обладать различными возможностями детерминирующего воздействия на слова. В аспекте языкового сознания человека это связано с проявлением способности языкового сознания к активному использованию внутренней формы слова в механизмах текстопорождения.

Что касается семантических деривационных процессов, то по сути они являются постсемантическими процессами, иначе говоря, преобразовывают

уже имеющееся денотативное содержание лексических единиц. Преобразование заключается в семантической интерпретации денотата, в особом способе его языкового представления в поверхностной структуре предложения, где он получает вторичное выражение. Когда мы, видя перед собой ворону, называем ее птицей или летчика – соколом, мы пользуемся вторичными выражениями. Эти выражения являются результатом семантической деривации. В отличие от соответствующих первичных, от некоторых они производны, вторичные выражения несут некоторый дополнительный смысл, связанный не с символизацией обозначаемого объекта, а с отношением к нему говорящего, с той или иной его оценкой. Иначе говоря, результатом семантической деривации является не только преобразование формы языкового выражения, но и семантическое приращение прагматического характера.

Мы выделяем три основных типа семантической деривации: смещение, метонимию и метафоризацию. Каждый из них имеет аналог в типах семантической деривации.

Смещение можно назвать семантической конверсией. Подобно конверсии оно сводится к синтаксическому переоформлению семантических компонентов предложения. Однако если конверсия имеет своим оператором формальный показатель, выраженный в предикате или оппозицией предикатов, то смещение – чисто семантический оператор – противоречие между формой и содержанием семантического компонента. Так, в пушкинской строке *«Супруг тебе простер торжественную руку»* (А.С. Пушкин) определение лишь по форме является определением, а по содержанию относится к глаголу, то есть служит обстоятельством. Ср.: *Супруг торжественно простер руку.*

Метонимизация есть процесс, аналогичный компрессии. В результате компрессии устраняются компоненты, семантика которых является чисто грамматической или целиком выражается другим предложением текста. Например: *У него было два сына. Один работал инженером.* Но устраняться могут и компоненты, не выраженные в другом месте текста и вместе с тем обладающие не чисто грамматической семантикой. Тогда мы и говорим о метонимии. Так в результате метонимизации предложения *Состоялось заседание кафедры* получим *Состоялась кафедра*, где конкретное существительное *кафедра* вбирает в себя смысл действия *заседание* и тем самым, не переставая быть конкретным, становится абстрактным. Такое противоречие и служит своеобразным показателем метонимии, ее оператором.

Метонимизация теснейшим образом связана со смещением. При метонимизации устраняется независимый компонент, что влечет за собой соответствующую перестройку предложения. Чтобы предложение оставалось правильным, сохранившийся зависимый компонент «перемещается» в позицию компрессированного и, следовательно, «переодевается» в его грамматическую одежду.

В основе метафоры лежит контаминация двух предложений. Особенность метафоризации определяется типом оператора: используется оператор сравнения, получающий в результирующем предложении семантическое выражение. Рассмотрим контаминацию предложений: *Облака передвигаются по небу. Люди гоняются друг за другом.* Их контаминация с помощью союза как будто дает сложноподчиненное предложение: *Облака передвигаются по небу, как будто люди гоняются друг за другом.* Преобразование такого предложения в простое есть механизм образования метафоры. Он предполагает 1) совмещение синтаксически тождественных компонентов: (*облака – люди, передвигаются – гоняются*); 2) устранение лишних компонентов: из двух предикатов остаётся тот, который семантически богаче. *Гоняются* занимает место *передвигаются*, поскольку *гоняются* включает сему передвижения. Выбор субъекта диктуется связанным текстом: так как речь идет об облаках, устраняется *люди*. Оператор также компенсируется. В результате мы имеем: *Облака гоняются друг за другом по небу.*

Метафора предикативна по природе. Поэтому в центре ее находится глагол. Этому, казалось бы, противоречат некоторые факты. Так, носителем метафоры может быть определение, например, выделенное прилагательное в предложении: *В углу стояло пузатое ореховое бюро.* Однако определение есть не что иное, как вторичный предикат. Метафора может занимать даже позицию подлежащего, но и в таком случае она деривационно восходит к предикату. Например, предложение: *Этот медведь опять отдал мне ногу!* Если *медведь* здесь метафора, то в памяти участников коммуникации должен сохраниться деривационный акт приписывания качеств медведя носителю данного действия. Следовательно, в основе приведенного предложения лежит утверждение типа «*Этот человек как медведь*», а его подлежащее – вторичный предикат. Предикативность метафоры вне зависимости от ее синтаксической формы обычно обнаруживается в тексте. Ср.: *Горы плавными волнами уходили к юго-западу. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутывались синевою. Волны, сначала темно-зеленые, вдали окутывали синевою.*

Метафоризация – сложнейший когнитивный процесс. Опираясь на контаминацию, он включает в себя не только компрессию, но и конверсию. Например, метафоричность предложения *Он мучился в пламени сомнения* связана с конверсией конструкции. *Сомнения как* (похожи на, напоминают) *пламя*, откуда *пламя сомнений*.

Компактность и необычность обозначения объекта и выражения мысли – вот парадигматические особенности воздействия на декодирующего, которых добивается кодирующий путем использования семантической деривации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов Изд. 2-ое, стереотип. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
2. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2 т. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. – 391 с.
3. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск, 1989. – 252 с.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В.Рамишвили; Послесл. А.В.Гулыги и В.А.Звегинцева. – М.: ОАО ИГ Прогресс, 2000. – 400 с.
5. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка. – Киев, 1993. – 280 с.
6. Мурзин Л.Н. Деривация в синхронном и диахронном аспектах // Деривация и история языка. – Пермь, 1987 – 274 с.
7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. – 428 с.